

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОПОГИИ

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-54-64

УДК 314.07

Социальный капитал региона: институциональные и социокультурные ресурсы развития человеческого капитала в Республиках Тыва и Хакасия

Юрий Михайлович Аксютин

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и культурологии,
Хакассский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
(г. Абакан, Республика Хакасия, РФ)
ORCID: 0000-0001-5996-3686; ResearcherID: L-7023-2016
aksutum@mail.ru

Аннотация. Социальный капитал, рассматриваемый в качестве ресурса человеческого и физического капитала, всё чаще позиционируется как один из наиболее значимых факторов развития современного социума, в особенности локального, регионального, стремящегося, ввиду объективных причин и ограничений, задействовать все имеющиеся ресурсы развития. Южно-Сибирские республики — Тува и Хакасия, всё еще демонстрирующие низкие показатели роста экономики и индекса человеческого развития, редко попадали в фокус исследовательского интереса в плане анализа особенностей и динамики функционирования социального капитала. В статье рассмотрены общие концептуальные подходы и частные методологические наработки отечественных и зарубежных авторов к анализу социального капитала. Основная цель исследования, заключающаяся в анализе особенностей функционирования компонентов регионального социального капитала Южно-Сибирских республик, достигается посредством объединения частных показателей (индекса капитала доверия, норм и ценностей, социальных сетей). В качестве эмпирической базы исследования привлекались агрегированные результаты осуществленных в 2013, 2016 и 2019 гг. массовых социологических опросов в Республиках Тыва и Хакасия по стандартизированной программе (выборочная совокупность: Хакасия — 520 чел., Тува — 290 чел.). Результаты проведенного исследования позволяют сделать обоснованный вывод, что наиболее сильный компонент социального капитала региона — капитал ценностей и норм, явившийся следствием формирования устойчивой системы норм толерантности и универсальной морали, стабильной комплементарности межэтнокультурных отношений. Пространством риска с низкими индексами развития открытого социального капитала остаются процессы актуализации альтернативных национальной идентичностей, сохранения напряженности межэтнических отношений, снижения доверия и удовлетворенности деятельностью властей и сохранения преимущественно конформистской модели общественно-политического поведения жителей региона. Приоритетом деятельности федеральных и региональных властей, а также институтов гражданского общества и органов местного самоуправления должно стать повышение уровня доверия к ним жителей региона.

Ключевые слова: Южно-Сибирский регион, социальный капитал, капитал доверия, ценностей и норм, структура идентичностей, социальные сети региона.

ВВЕДЕНИЕ

Отмечаемая в последние три десятилетия экспансия концепта «социальный капитал» в отечественный общественно-политический и научный дискурс связана во многом с поиском новых, еще не набивших оскомину и адекватных времени, а главное, эффективных средств диагностики и оценки институциональных и социокультурных ресурсов с целью оптимизации развития производственно-физического и человеческого капитала.

Классическая концепция социального капитала появилась и оформилась в последней четверти прошлого века в работах П. Бурдьё, Дж. Коулмана, Р. Патнэма, М. Олсона и др. В теории П. Бурдьё понятие «социальный капитал» использовалось для концептуализации социальных связей, основанных на принципах доверия и толерантности, которые выступают промежуточным звеном, ресурсом производственного (физического) и человеческого капитала региональных и локальных сообществ, средством снижения бюрократических издержек, обхода формальных барьеров и злоупотреблений властей на местах [5]. «Социальный капитал, — отмечает П. Бурдьё, — представляет собой совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания» [5, с. 66]. Впоследствии Р. Патнэм значительно расширяет концепцию П. Бурдьё, обосновывает и генерализирует трехчастную структуру социального капитала (социальные нормы, связи, доверие), разрабатывает средства его анализа и оценки через расчет усредненных и индивидуальных индикаторов интенсивности социальных контактов, развития и плотности социальных сетей, удовлетворенности качеством управления и доверия властям, степени комплементарности

Цитирование: Аксютин Ю. М. Социальный капитал региона: институциональные и социокультурные ресурсы развития человеческого капитала в Республиках Тыва и Хакасия / Ю. М. Аксютин // Siberian Socium. 2022. Том 6. № 2 (20). С. 54-64. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-54-64

и функционирования норм унифицированной морали [25].

Современные исследователи в вопросе расширения понятия и рамок «социального капитала» пошли еще дальше, понимая его как совокупный ресурсный потенциал уже не только нации, страны, региона, но источник социально-экономического развития локальных городских, сельских сообществ [11], религиозных общин, даже групп мигрантов [28] и спортивных болельщиков [16], семейных фирм, соседских коопераций и домохозяйств [18, 22, 27]. Иными словами, наряду с человеческим капиталом — индивидуальным ресурсом личности — и физическим капиталом, выступающим в качестве производственного ресурса, социальный капитал определяется как коллективный ресурс и позиционируется как значимый фактор функционирования и развития современного социума. Это особенно важно для тех регионов, где в силу объективных причин и ограничений задействование всех имеющихся ресурсов развития — вопрос совсем не праздный. Южно-Сибирские республики — Тува и Хакасия, всё еще демонстрирующие низкие показатели роста экономики и индекса человеческого развития, редко попадали в фокус исследовательского интереса в плане анализа особенностей и динамики функционирования социального капитала.

МЕТОДОЛОГИЯ

Задачу снижения рисков и повышения эффективности функционирования социального капитала, оптимального использования его ресурсов сложно решить до тех пор, пока не появится серьезной, основанной на эмпирических данных методики его измерения. Однако на настоящий момент универсальных методов изучения и оценки социального капитала нет, и в каждом отдельном случае подбор инструментов анализа, их слож-

ность и информативность зависит от специфики исследуемого общества, региона, страны, а иногда от находчивости исследователя [13, 18, 26]. Например, весьма экзотичным выглядит исследование характера и интенсивности социальных связей через замеры активности пользователей социальных сетей (Twitter, Facebook¹) [19] или численность сообществ онлайн-брендов [21, 29]. Чрезвычайно широкий контекст использования концепции «социальный капитал», дробление его на множество форм и типов [20], а также методологический плюрализм послужили основанием для некоторых исследователей поставить под сомнение саму возможность его использования, по меньшей мере до тех пор, пока не удастся завершить операционализацию и вернуть концепции социального капитала строгость значения и стройность методологии исследования [15]. Следует отметить, что методологическая экзотика чаще всего обусловлена особенностями региона и объекта исследования. Речь идет о закрытых сообществах, труднодоступных районах, изолированных общинах, удаленных домохозяйствах. В массе своей современные исследования социального капитала всё же ориентированы на некий стандарт как по применяемым методам (превалируют интервьюирование и анкетирование) [9, 25, 27], так и по анализируемым компонентам, формам социального капитала. Практически все отечественные исследователи придерживаются ставшей классической трехкомпонентной структуры социального капитала, используют схожие наименования социально-политических институтов (губернатор, профсоюзы и т. д.), обозначения каналов воздействия социального капитала на социальные процессы (горизонтальный и вертикальный) и др. [6-9].

Измерение социального капитала Южно-Сибирского региона представляет собой многомерную задачу. Интегральный показатель функционирования и развития социального капитала региона должен строиться на основе объединения (интеграции) количественных показате-

лей отдельных его элементов и типов, а также учитывать динамику социальных изменений, быть простым в плане расчетов и понятным в категориях интерпретации. Иными словами, необходимо интегрировать значительное количество разнообразных индексов, характеризующих различные компоненты социального капитала в оценках и представлениях жителей региона. В целях определения параметров количественного измерения и оценки социального капитала необходимо формализовать и операционализировать его основные компоненты:

- индекс капитала доверия (доля респондентов (%), выразивших доверие высшим должностным лицам и органам исполнительной власти региона, а также отметивших, что их мнение учитывается при принятии социально-политических решений);
- индекс капитала ценностей и норм (совпадение вершины иерархии ценностей (первые пять позиций) у представителей гетерогенных этнических групп региона (русские, тувинцы, хакасы); отношение респондентов к фактам проявления неприязни к представителям иных этносов);
- индекс капитала социальных сетей (доля респондентов, утверждающих, что они принимали участие за последние 12 месяцев в общественной и политической деятельности, помогали другим людям).

В качестве эмпирической базы исследования привлекались агрегированные результаты осуществленных автором в 2013 и 2019 гг. массовых социологических опросов в Республиках Тыва и Хакасия по стандартизированной программе [1-3]. В исследованиях применялась многоступенчатая выборка. Доля каждой республики в общем объеме выборки определялась пропорционально долям этих республик в генеральной совокупности. Выборка внутри регионов квотная, определялась с учетом половозрастных распределений и с процентным ограничением людей, имеющих высшее образование. Исследование институциональных и социокультурных процессов не предполагает высокой точности данных, поэтому доверительный интервал допустимой ошибки находится в пределах 10%. Для

¹ Meta Platforms Inc. и ее дочерние компании признаны экстремистскими и запрещены на территории Российской Федерации.

определения объема выборки использовались данные Хакасстат, Тывастат и Красноярскстат о численности жителей республик (генеральная совокупность 537 513 чел. в Хакасии и 324 423 чел. в Туве). При выбранной вероятности в 95% и интервале в $\pm 5\%$ выборочная совокупность определена: Хакасия — 520 чел., Тува — 290 чел.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Динамика регионального «капитала доверия»

Наиболее выразительным показателем капитала доверия государственно-политическим институтам из всего комплекса индикаторов, на наш взгляд, были ответы респондентов на вопросы: «Можете ли Вы сказать, что Ваше мнение учитывается властями при принятии социально-политических решений?» и «Каков уровень Вашего доверия к высшим должностным лицам (Главам) и высшим органам исполнительной власти (Правительствам)?». В 2013 г. половина (50%) опрошенных в Хакасии и 67% в Туве отвечали на первый вопрос утвердительно. В 2019 г., согласно данным проведенных опросов, только 15% опрошенных в Хакасии и 30% в Туве считали, что их мнение оказывает влияние на принятие властью социально-политических решений. Еще порядка 50% респондентов считали, что органы власти учитывают их интересы лишь частично, а 15% заявляли о том, что власти фактически игнорируют их интересы, и только 25% опрошенных полагали, что их интересы учитываются полностью. В целом доля удовлетворенных реакцией властей на их запросы и интересы в Хакасии и Туве остается на уровне 50-60% от числа опрошенных и демонстрирует тенденцию к снижению показателя. Это может свидетельствовать о том, что опрошенные жители региона (вне зависимости от этнической принадлежности) не доверяют местным и федеральным властям, демонстрируют склонность решать свои проблемы самостоятельно, поддерживать друг друга без надежды на государство. Это чревато усилением региональной локализации и ростом закрытого

социального капитала [10, 24]. Отметим, что аналогичная ситуация девальвации доверия органам власти и администрации фиксируется и в соседних регионах Сибири (Красноярский край, Республика Алтай и др.) [12]. В 2013 г. в Хакасии Главу республики в среднем поддерживали 46,7%, в Туве — 64,5%. В 2019 г. доля оказавших поддержку губернаторам в Хакасии (21%) и Туве (39,7%) была на уровне 31%. Правительства республик доверием населения располагают в несколько большей степени. Правительству Хакасии в 2013 г. доверяли 45,8% опрошенных, в Туве — 67,6%. В 2019 г. сужение ресурса доверия проявилось в полной мере. Индекс доверия Правительству Хакасии снизился до 25,4%, в Туве доверяют действиям Правительства 46,2% опрошенных жителей республик соответственно. Средневзвешенный индекс доверия среди опрошенных правительствам республик не поднялся выше 36%, что свидетельствует о снижении ресурса капитала доверия жителей Южной Сибири Главам и Правительствам республик, а следовательно, увеличении так называемого «закрытого типа» социального капитала.

Индекс капитала «ценностей и норм»

Открытый социальный капитал предполагает эффективное функционирование в регионе ситуации так называемого толерантного симбиоза ценностей и норм, высокой степени комплементарности межэтнического взаимодействия, способствующих созданию единого образца ценностно ориентированного поведения, универсальной морали [10, 23]. Результаты проведенного исследования демонстрируют, что системы ценностей представителей крупнейших этносов региона (русские, тувинцы, хакасы) в значительной степени совпадают и демонстрируют устойчивость. В исследовании 2019 г. опрошенными были отмечены приоритетные ценности: здоровье (порядка 47%) и семья (44,8%), достаток и материальное благополучие (42,1%), любовь (29%), карьера (25,5%), далее следовали законность (25%), демократия (22%). Преодолели 10%-й порог: личное достоинство (19%), работа (13,5%), свобода (по 18,1%) и

справедливость (18,2%), образование (14,4%). В числе наиболее приоритетных для русских респондентов были: здоровье и семья, карьера, достаток и любовь. Для тувинцев наибольшее значение имели: семья, здоровье и материальное благополучие, любовь и законность. Аксиосистему хакасов возглавляли всё те же: семья, здоровье, материальное благополучие, любовь, личное достоинство. Иными словами, результаты исследования свидетельствуют в пользу складывания в регионе комплементарных отношений.

Диагностировать функционирование в региональном полиэтничном социуме норм толерантности и универсальной морали, а тем более индексировать их проще всего на основании отношения респондентов к фактам проявления неприязни к представителям иных национальностей (в этническом содержании этого термина). Так, в 2013 г. 45,8% опрошенных ответили, что проявление неприязни недопустимо никогда, 28,3% заявили, что иногда допустимо, 9,1% полагают, что факты неприязненного отношения следует воспринимать снисходительно. В 2016 г. недопустимость проявления неприязни отметили 50,9% (русские — 50,1%, хакасы — 68,4%, тувинцы — 42,6%), вариант «иногда допустимо» был близок 23%, за снисходительное отношение к таким проявлениям высказались порядка 8,4% опрошенных. В исследовании 2019 г. уже только 44,3% опрошенных ответили, что проявление неприязни недопустимо никогда (русские — 50,2%, хакасы — 56,9%, тувинцы — 30%). Порядка 25% выбрали второй вариант, а снисходительно предложили относиться к таким фактам 8,4% респондентов. При этом на уточняющий вопрос, к каким конкретно этносам и национальностям респонденты испытывают неприязнь, 80,7% русских, 87,3% хакасов и 87,6% тувинцев отметили, что таковых нет совсем. Таким образом, можно со значительной долей уверенности завить о складывании и функционировании в регионе некой единой модели ценностей и норм этнически и конфессионально гетерогенных общностей.

Капитал «социальных сетей» в региональном социуме

Социальные сети в самом широком их понимании — это социальные контакты, организованная структура отношений, основывающаяся на доверии и взаимопомощи. Иными словами, это все ресурсы системы социальных коммуникаций и блага, позволяющие достигать поставленных индивидуальных и коллективных целей [14].

Диагностировать ресурс капитала социальных сетей весьма непросто. С одной стороны, единой методики расчета такого индекса просто не существует, и исследователи вынуждены ориентироваться на доступную эмпирическую базу: пользователей социальных сетей, число общественных организаций в регионе и т. п. [17]. С другой стороны, даже располагая серьезной базой данных, включающей результаты мониторинговых исследований, очевидно, что существует большая разница между готовностью индивидов к участию в общественных объединениях и политических акциях, проявлению взаимопомощи и альтруизма и их фактическими действиями. Так, безусловным лидером среди ответов респондентов на вопросы о характере и формах деятельности, в которых они готовы принять участие, был ответ «в сборе гуманитарной помощи» (2013 г. в Хакасии — 25,8%, в Туве — 40,7%; в 2019 г. в Хакасии — 48%, в Туве — 34%). Однако вторым по популярности был ответ «ни в каких» (2013 г. в Хакасии — 33,7%, в Туве — 24,8%; в 2019 г. — по 25%). Еще порядка 18-20% опрошенных готовы были принять участие в сборе денежных пожертвований. В целом чуть менее половины опрошенных за обозначенный период всё же готовы к альтруизму и взаимопомощи вне государственных и гражданских институтов.

Однако если в 2013 г. в деятельности общественных организаций готовы были принять участие менее 10% опрошенных, еще порядка 5% — участвовать в коллективных обращениях в суд, забастовке, подписании писем и обращений, митингах и демонстрациях, то в 2019 г. ситуация изменилась. В деятельности общественных организаций готовы были участвовать 17%, избирательной кампании — 12%, подписании писем,

обращений — 14%, что в среднем составило порядка 45% от числа опрошенных. Схожим образом, отмечает Е. А. Кочина, обстоят дела в молодежной среде [8]. Иными словами, индекс капитала социальных сетей становится весьма значимой величиной, что проявилось в ходе избирательных компаний, актах «протестного голосования» в Хакасии 2018 г. Однако предпринять конкретные действия (коллективные обращения, митинги, демонстрации, избрание в органы общественного самоуправления) готовы не более 15%.

В плане анализа характера социальных сетей показательны результаты исследования динамики самоидентификации респондентов с социально-территориальными общностями за обозначенный период. В исследованиях 2007-2011 гг. ровно треть опрошенных (33,4%) демонстрировали приоритетность для себя членства в республиканском локальном социуме. Значимость членства в российском социуме отметили 28,6% респондентов.

В период 2013-2019 гг. приоритеты зримо изменились. По данным опроса 2013 г., в первую очередь с жителями России себя идентифицировали 32,3% респондентов. Значимость связи с жителями своей республики отметили 21,7%, с жителями своего села и города (поселенческая идентичность) — 15,8%, с жителями Сибири (региональная идентичность) — 11,9%, со своей этнической группой — 10,6%, а с жителями всего мира (глобальная идентичность) — 6,6% опрошенных. Актуализацию российской идентичности, повышение значимости членства в российской нации выявили проводимые параллельно исследования в соседних сибирских регионах. В частности, проведенные в 2010-2011 гг. исследования социальной структуры и социального капитала Красноярского края, согласно характеристике В. Г. Немировского, «фиксировали ситуацию приоритетной самоидентификации населения с более широкими, нежели регион, село/город, этнос, территориальными общностями — россиянами. С одной стороны, возникли более благоприятные условия для реализации социального капитала жителей края вне пределов

региона, с другой — можно предположить, что произошло определенное сокращение возможностей для его реализации на месте» [9, с. 128]. Приоритетность российской идентичности в Красноярском крае объясняется абсолютным численным доминированием русских (более 90%) в регионе. Однако в исследовании 2017 г. 28% опрошенных назвали себя в первую очередь жителями России в Республике Алтай (русских — 56%, алтайцев — 34%). Еще 42,6% опрошенных, отмечает Т. А. Асеева, в равной степени отнесли себя и к жителям республики, и к россиянам; 25,1% больше считают себя жителями Республики Алтай [4, с. 209].

В последующих опросах позиция российской общности в структуре идентичностей жителей Хакасии и Тувы практически не менялась, и в 2019 г. значимость членства в национальной общности отметили 33,3% респондентов (республиканская идентичность — 19,8%, поселенческая (село/город) — 15%, космополитическая — 11,5%, сибирская региональная — 10,5%, этническая — 10,5%), что, безусловно, свидетельствует о расширении ресурса открытого социального капитала жителей региона.

ВЫВОДЫ

Региональный социальный капитал выступает ресурсом реализации человеческого потенциала: доверие между людьми, институтами государства и гражданского общества, развитые социальные связи и отношения — условие для реализации индивида. Однако решение задачи определения ресурса социального капитала региона затрудняет гибридная структура самого феномена, исследовать которую приходится через измерение косвенных переменных. В нашем исследовании интегральный показатель развития социального капитала Южно-Сибирского региона определялся посредством объединения частных показателей. Наибольшее беспокойство как у респондентов, так и у экспертов вызывает низкий уровень доверия к государственным и региональным властям, институтам гражданского общества. Наиболее сильный компонент социального капитала региона — капитал

ценностей и норм, явившийся следствием высокой степени комплементарности ценностных систем и норм межэтнических отношений. Развитие социальных сетей очевидно пробуксовывает, в то же время заметна активизация политического и общественного участия населения. Иными словами, приоритетом деятельности федеральных и местных властей

в регионе, а также институтов гражданского общества и органов местного самоуправления должно стать повышение уровня доверия к ним жителей региона, тем самым будет во многом сглажено препятствие для устойчивого развития республик Южной Сибири в плане развития не только социального, но физического и человеческого капитала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксютин Ю. М. Социологическое исследование (2013 г.) в рамках ФЦП по теме: «Надэтническая идентичность: анализ состояния и оценка потенциала оптимизации региональной модели межкультурного взаимодействия» (соглашение: 14.В37.21.0511), выборочная совокупность Тыва — 290, Хакасия — 520, Алтай — 190: приложение к отчету; рукопись / Ю. М. Аксютин. Абакан, 2013.
2. Аксютин Ю. М. Социологическое исследование (2019 г.) в рамках реализации договора № 457 от 14.08.2019 по теме: «Тува в условиях современных трансформаций: моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Тыва (сер. 1990-х — 2019 гг.)»: приложение к отчету; рукопись / Ю. М. Аксютин. Абакан, 2019.
3. Аксютин Ю. М. Социологическое исследование (2019 г.) в рамках гранта РФФИ и Правительства Республики Хакасия (Договор № 18-411-190002) по теме: «Хакасия в условиях современных трансформаций: социологическое исследование и моделирование институциональных и социокультурных процессов в Республике Хакасия (сер. 1990-х — 2018 гг.)»: приложение к отчету; рукопись / Ю. М. Аксютин. Абакан, 2019.
4. Асеева Т. А. Идентификация жителей Республики Алтай: от этнической к гражданской идентичности / Т. А. Асеева // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. Том 12. № 1. С. 207-213. DOI: 10.12737/24793
5. Бурдье П. Формы капитала / П. Бурдье // Экономическая социология. 2002. Том 3. № 5. С. 60-74.
6. Бурко В. А. О некоторых подходах к операционализации показателя «социальный капитал» (методические указания по разработке шкалы социальный капитал) / В. А. Бурко // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. 2018. Том 1. С. 43-50.
7. Коробейников А. М. Особенности социального капитала в регионах России / А. М. Коробейников // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-деинтеграционных процессах. Пермь: Изд-во Пермского государственного национального исследовательского университета, 2017. С. 236-241.
8. Кочина Е. А. Гражданская идентичность и политическая активность современной молодежи в региональном измерении на примере Южной Сибири / Е. А. Кочина // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2018. № 4 (69). С. 62-67.
9. Немировский В. Г. Социальная структура и социальный капитал населения Красноярского края / В. Г. Немировский, А. В. Немировская. Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2011. 159 с.
10. Полищук Л. Социальный капитал в России: измерение, анализ, оценка влияния / Л. Полищук // Городское управление. 2011. № 6 (179). С. 83-90.
11. Рогач О. В. Социальный капитал: новые возможности развития местных сообществ / О. В. Рогач // Социодинамика. 2019. № 9. С. 25-39. DOI: 10.25136/2409-7144.2019.9.30550
12. Сытых О. Л. Социальный капитал в полиэтничном обществе: представление, понятие и явление / О. Л. Сытых, Л. К. Синцова // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Том 2. № 8. С. 121-129.

13. Фукуяма Ф. Социальный капитал / Ф. Фукуяма // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу* / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований, 2002. С. 129-149.
14. Bayer Jo. B. Social Media elements, ecologies, and effects / Jo. B. Bayer, T. Penny, N. B. Ellison // *Annual Review of Psychology*. 2020. Vol. 71. Pp. 471-497. DOI: 10.1146/annurev-psych-010419-050944
15. DeFilippis J. The myth of Social Capital in community development / J. DeFilippis // *Housing Policy Debate*. 2001. Vol. 12. No. 4. Pp. 781-806. DOI: 10.1080/10511482.2001.9521429
16. Gordon B. S. The role of pride feelings in the team and fan community identification processes: an empirical examination in professional sport / B. S. Gordon, M. Yoshida, M. Nakazawa, J. R. Bass // *Corporate Reputation Review*. 2021. No. 24 (2). Pp. 76-94. DOI: 10.1057/s41299-019-00092-y
17. Grootaert C. Understanding and measuring Social Capital: a synthesis of findings and recommendations from the social capital initiative / C. Grootaert, T. van Bastelaer; The World Bank. 2001. Social Capital Initiative Working Paper no. 24. URL: https://www.casade.org/CapitalSocial/World_Bank_Understanding_social%20capital.pdf
18. Hanka M. J. Social Capital and economic development: a neighborhood perspective / M. J. Hanka, T. A. Engbers // *Journal of Public and Nonprofit Affairs*. 2017. No. 3 (3). Pp. 272-291. DOI: 10.20899/jpna.3.3.272-291
19. Hofstra B. Sources of segregation in Social Networks: a novel approach using Facebook / B. Hofstra, R. Corten, F. van Tubergen, N. Ellison // *American Sociological Review*. 2017. No. 82 (3). Pp. 625-656. DOI: 10.1177/0003122417705656
20. Jackson M. O. A typology of Social Capital and associated network measures / M. O. Jackson // *Social Choice and Welfare*. 2020. No. 54. Pp. 311-336. DOI: 10.1007/s00355-019-01189-3
21. Meek S. Contextualising Social Capital in online brand communities / S. Meek, M. Ogilvie, C. Lambert, M. M. Ryan // *Journal of Brand Management*. 2019. Vol. 26. No. 4. Pp. 426-444. DOI: 10.1057/s41262-018-00145-3
22. Nugrahani T. Potential of Social Capital and community participation in village development / T. Nugrahani, S. Suharni, R. Saptatiningsih // *JEJAK: Jurnal Ekonomi dan Kebijakan*. 2019. No. 12 (1). Pp. 68-85. DOI: 10.15294/jejak.v12i1.18825
23. Pitlik H. Individualistic values, institutional trust, and interventionist attitudes / H. Pitlik, M. Rode // *Journal of Institutional Economics*. 2017. Vol. 13. No. 3. Pp. 575-598. DOI: 10.1017/S1744137416000564
24. Pitlik H. Radical distrust: are economic policy attitudes tempered by social trust? / H. Pitlik, M. Rode // *Social Indicators Research*. 2021. No. 158 (3). Pp. 1-22. DOI: 10.1007/s11205-020-02317-8
25. Putnam R. D. *Bowling alone: the collapse and revival of American community* / R. D. Putnam. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 pp.
26. Rustiadi E. Can Social Capital investment reduce poverty in rural Indonesia? / E. Rustiadi, N. Ahmadrswan // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2017. No. 7 (2). Pp. 109-117.
27. Sanchez-Ruiz P. Family Social Capital in the family firm: a taxonomic classification, relationships with outcomes, and directions for advancement / P. Sanchez-Ruiz, J. J. Daspit, D. T. Holt, M. W. Rutherford // *Family Business Review*. 2019. Vol. 32. No. 2. Pp. 131-153. DOI: 10.1177/0894486519836833
28. Williams N. Coming out of conflict: how migrant entrepreneurs utilise Human and Social Capital / N. Williams, B. A. Krasniqi // *Journal of International Entrepreneurship*. 2018. No. 16. Pp. 301-323. DOI: 10.1007/s10843-017-0221-4
29. Yoshida M. Social Capital and consumer happiness: toward an alternative explanation of consumer-brand identification / M. Yoshida, B. Gordon, J. James // *Journal of Brand Management*. 2021. No. 28. Pp. 481-494. DOI: 10.1057/s41262-021-00240-y

RESEARCH ARTICLE

DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-54-64

UDC 314.07

Region social capital: institutional and social and cultural resources for the development of human capital in the republics of Tyva and Khakassia

Yuri. M. Aksutin¹

Cand. Sci. (Phylos.), Associate Professor,
Department of Philosophy and Culturology,
Khakas State University named after N. F. Katanov (Abakan, Republic of Khakassia, Russian Federation)
ORCID: 0000-0001-5996-3686; ResearcherID: L-7023-2016
aksutu@mail.ru

Abstract. Social capital, which is considered as a resource of human and physical capital, is increasingly positioned as one of the most significant factors in the development of modern society, especially local, regional, striving, in view of objective reasons and limitations, to use all available development resources. The South Siberian republics of Tyva and Khakassia, which still show low indicators of economic growth and the human development index, rarely fell into the focus of research interest in terms of analyzing the characteristics and dynamics of the functioning of social capital.

The article examines the general conceptual approaches and particular methodological developments of domestic and foreign authors to the analysis of social capital. The main goal of the study, which is to analyze the features of the functioning of the components of the regional social capital of the South Siberian republics, is achieved by combining private indicators (index of trust capital, norms and values, social networks). As an empirical basis for the study, we used the results of opinion polls in 2013, 2016 and 2019 in the Republics of Tyva and Khakassia according to a standardized program (sample population: Khakassia — 520 people, Tuva — 290 people). The results of the study allow us to draw a well-grounded conclusion that the strongest component of the region's social capital is the capital of values and norms, which is a consequence of the formation of a stable norm of tolerance and universal morality system, a stable complementarity of interethnic and cultural relations. The processes of actualization of alternative national identities, the preservation of tension in interethnic relations remain the risk space with low indices of the development of open social capital; decrease in trust and satisfaction with the activities of the authorities and preservation of a predominantly conformist model of social and political behavior of the region inhabitants. The priority of the federal and regional authorities, as well as civil society institutions and local self-government bodies, should be to increase the level of trust in them by the residents of the region.

Keywords: South Siberian region, social capital, trust, value and norms capital, identity structure, region social networks.

Citation: Aksutin Yu. M. 2022. "Region social capital: institutional and social and cultural resources for the development of human capital in the republics of Tyva and Khakassia". *Siberian Socium*, vol. 6, no. 2 (20), pp. 54-64. DOI: 10.21684/2587-8484-2022-6-2-54-64

REFERENCES

1. Aksyutin Yu. M. 2013. Sociological research within the FTP on the topic: “Supra-ethnic identity: analysis of the state and assessment of the potential for optimizing the regional model of intercultural interaction” (agreement: 14.B37.21.0511), sample population Tyva-290, Khakassia-520, Altai-190: Appendix to the report; manuscript. Abakan. [In Russian]
2. Aksyutin Yu. M. 2019. Sociological research within the framework of the implementation of agreement No. 457 dated 14 August 2019 on the topic: “Tuva in the conditions of modern transformations: modeling institutional and sociocultural processes in the Republic of Tyva (middle 1990s — 2019)”: Appendix to the report; manuscript. Abakan. [In Russian]
3. Aksyutin Yu. M. 2019. Sociological research within the framework of a grant from the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Republic of Khakassia (Agreement No. 18-411-190002) on the topic: “Khakassia in the conditions of modern transformations: sociological research and modeling of institutional and sociocultural processes in the Republic of Khakassia (Series 1990s — 2018)”: Appendix to the report; manuscript. Abakan. [In Russian]
4. Aseeva T. A. 2017. “Identification of residents of the Altai Republic: from ethnic to civic identity”. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, vol. 12, no. 1, pp. 207-213. DOI 10.12737/24793. [In Russian]
5. Burd’e P. 2002. “Forms of capital”. *Economic sociology*, vol. 3, no. 5, pp. 60-74. [In Russian]
6. Burko V. A. 2018. “On some approaches to the operationalization of the indicator ‘social capital’ (guidelines for the development of the social capital scale). *Modern society: questions of theory, methodology, methods of social research*, vol. 1, pp. 43-50. [In Russian]
7. Korobeynikov A. M. 2017. “Russia and its regions in multi-scale integration and disintegration processes”. *Russia and its regions in multi-scale integration and disintegration processes*. Perm: Publishing House of the Perm State National Research University. Pp. 236-241. [In Russian]
8. Kochina E. A. 2018. “Civic identity and political activism of today’s youth in the regional dimension of the South of Siberia”. *POISK: Politika. Social science. Art. Sociology. Culture*, no. 4 (69), pp. 62-67. [In Russian]
9. Nemirovskiy V. G., Nemirovskaya A. V. 2011. *Social structure and social capital of the population of the Krasnoyarsk Territory*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. 159 p. [In Russian]
10. Polishchuk L. 2011. “Social capital in Russia: measurement, analysis, impact assessment”. *City government*, no. 6 (179), pp. 83-90. [In Russian]
11. Rogach O. V. 2019. “Social capital: new opportunities for the development of local communities”. *Sociodynamics*, no. 9, pp. 25-39. [In Russian]
12. Sytykh O. L., Sintsova L. K. 2019. “Social capital in a multiethnic society: representation, concept and phenomenon”. *Social integration and development of ethnic cultures in the Eurasian space*, vol. 2, no. 8, pp. 121-129. [In Russian]
13. Fukuyama F. 2002. “Social capital”. *Culture matters. How values contribute to social progress*. Edited by L. Kharrison and S. Khangington. Moscow: Moscow School of Political Studies. Pp. 129-149. [In Russian]
14. Bayer Jo. B., Penny T., Ellison N. B. 2020. “Social media elements, ecologies, and effects”. *Annual Review of Psychology*, vol. 71, pp. 471-497. DOI: 10.1146/annurev-psych-010419-050944
15. De Filippis J. 2001. “The myth of social capital in community development”. *Housing Policy Debate*, vol. 12, no. 4, pp. 781-806. DOI: 10.1080/10511482.2001.9521429
16. Gordon B. S., Yoshida M., Nakazawa M., Bass J. R. 2021. “The role of pride feelings in the team and fan community identification processes: an empirical examination in professional sport”. *Corporate Reputation Review*, no. 24 (2), pp. 76-94. DOI:10.1057/s41299-019-00092-y
17. Grootaert C., van Bastelaer T. 2001. *Understanding and measuring social Capital: a synthesis of findings and recommendations from the social capital initiative*. The World Bank. Social Capital Initiative Working Paper no. 24. https://www.casede.org/CapitalSocial/World_Bank_Understanding_social%20capital.pdf
18. Hanka M. J., Engbers T. A. 2017. “Social capital and economic development: a neighborhood perspective”. *Journal of Public and Nonprofit Affairs*, no. 3 (3), pp. 272-291. DOI: 10.20899/jpna.3.3.272-291

19. Hofstra B., Corten R., van Tubergen F., Ellison N. 2017. "Sources of segregation in social networks: a novel approach using facebook". *American Sociological Review*, no. 82 (3), pp. 625-656. DOI: 10.1177/0003122417705656
20. Jackson M. O. 2020 "A typology of social capital and associated network measures". *Social Choice and Welfare*, no. 54, pp. 311-336. DOI: 10.1007/s00355-019-01189-3
21. Meek S., Ogilvie M., Lambert C., Ryan M. M. 2019. "Contextualising social capital in online brand communities". *Journal of Brand Management*, vol. 26, no. 4, pp. 426-444. DOI: 10.1057/s41262-018-00145-3
22. Nugrahani T., Suharni S., Saptatiningsih R. 2019. "Potential of social capital and community participation in village development". *JEJAK: Jurnal Ekonomi dan Kebijakan*, no. 12 (1), pp. 68-85. DOI: 10.15294/jejak.v12i1.18825
23. Pitlik H., Rode M. 2017. "Individualistic values, institutional trust, and interventionist attitudes". *Journal of Institutional Economics*, vol. 13, no. 3. pp. 575-598. DOI: 10.1017/S1744137416000564
24. Pitlik H., Rode M. 2021. "Radical distrust: are economic policy attitudes tempered by social trust?" *Social Indicators Research*, no. 158 (3). pp. 1-22. DOI: 10.1007/s11205-020-02317-8
25. Putnam R. D. 2000. *Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community*. New-York: Simon and Schuster. 541 p.
26. Rustiadi E., Ahmadrswan N. 2017. "Can social capital investment reduce poverty in rural Indonesia?" *International Journal of Economics and Financial Issues*, no. 7 (2), pp. 109-117.
27. Sanchez-Ruiz P., Daspit J. J., Holt D. T., Rutherford M. W. 2019. "Family social capital in the family firm: a taxonomic classification, relationships with outcomes, and directions for advancement". *Family Business Review*, vol. 32, no. 2, pp. 131-153. DOI: 10.1177/0894486519836833
28. Williams N., Krasniqi B. A. 2018. "Coming out of conflict: How migrant entrepreneurs utilise human and social capital". *Journal of International Entrepreneurship*, no. 16, pp. 301-323. DOI: 10.1007/s10843-017-0221-4
29. Yoshida M., Gordon B., James J. 2021. "Social capital and consumer happiness: toward an alternative explanation of consumer-brand identification". *Journal of Brand Management*, no. 28, pp. 481-494. DOI: 10.1057/s41262-021-00240-y